

Людо и звездный конь

МЭРИ СТЮАРТ

Мэри Стюарт

Людо и звездный конь

«Азбука-Аттикус»

1974

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Стюарт М.

Людо и звездный конь / М. Стюарт — «Азбука-Аттикус», 1974

ISBN 978-5-389-15815-3

Мальчик Людо живет в горной деревушке. Больше всего на свете он любит ухаживать за своим старым конем по имени Ренти, но однажды зимним вечером конь исчезает. Мальчик отправляется на поиски и... попадает в волшебную пещеру. Оказывается, его старый друг Ренти — на самом деле звездный конь, который должен следовать за солнечной колесницей. Теперь выбор за Людо: вернуться домой или сопровождать своего друга в путешествии по чудесной звездной стране. Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-15815-3

© Стюарт М., 1974
© Азбука-Аттикус, 1974

Содержание

Глава 1. Дом	6
Глава 2. Пропавший конь	9
Глава 3. Падучая звезда	12
Глава 4. Егерсальп	14
Глава 5. Пещера	16
Глава 6. Стрелец	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Мэри Стюарт

Людо и звездный конь

Mary Stewart

LUDO AND THE STAR HORSE

© М. В. Клеветенко, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Амелии

Глава 1. Дом

Эта история случилась давным-давно с мальчиком по имени Людо, так что хочешь – верь, хочешь – не верь. Я ее слышала от его собственного внука и убеждена, что она правдива до последнего слова, но ты, Амелия, решай сама.

Людо Шпигелю было одиннадцать лет, и он жил в деревушке Оберфельд в горах Баварии. Герр Шпигель, отец Людо, был очень беден. Три козы и корова – вот и все богатство, не считая жены и сына. Даже старый рабочий конь и домик, бедный, как и его обитатели, принадлежал не ему, а королю, который владел долиной и землей на много миль вокруг.

Герр Шпигель зарабатывал на жизнь плотницким ремеслом. Сам валил деревья, сам спускал бревна с горы с помощью коня по кличке Ренти, затем распиливал и оставлял для просушки. Он считался очень хорошим плотником, и не было такого дома в Оберфельде, где бы не стояла мебель, сделанная его руками. Как-то доктор Кайнц из самого Нидерфельда заказал ему стол, а еще отец Людо вырезал церковную скамью, которая (как сказал священник) украсила бы королевский замок. Но за тяжелый и кропотливый плотницкий труд платят немного, поэтому герр Шпигель не гнушался любой работы.

Летом они с Людо – настоящее имя которого было Людвиг, как у короля, – отправлялись на летние пастбища пасти скот с окрестных ферм. В горах солнце сияло ярче и было вдоволь воды и сочной травы. Дважды в сутки коров доили, и отец Людо вместе с другими работниками делали из молока сыры на продажу. Суетиться вокруг кипящих котлов и доить коров работа не из легких, и Людо был слишком мал, чтобы помогать взрослым. Целые дни он проводил на горных склонах, приглядывая за коровами и козами. Людо любил лето.

Но лето заканчивалось, и суровая зима вступала в свои права. В середине сентября, когда на траву ложились тяжелые росы и бабочки сонно кружили над синими скабиозами и серебристым чертополохом, стада, нежно звеня колокольчиками, спускались в долину. В деревне устраивали гулянья вроде наших праздников урожая. Музыка, танцы, благословение домашней скотины – ненадолго жизнь наполнялась весельем и радостью, но праздник не вечен, и скот загоняли в стойла, а корову, коз и коня Ренти запирали на долгие месяцы. Отец Людо пополнял запас дров под навесом, выбирал созревшую древесину для резьбы, и летние хлопоты уступали место зимним заботам.

А вскоре долину засыпало снегом.

Тебе такого снега видеть не доводилось! Только вообрази: весь день небо хмурится, а когда ты ложишься спать, в воздухе начинают кружить первые снежинки. Утром просыпаясь – за окном сияет солнце, на небо больно смотреть, а на сверкающем снежном покрывале залегли глубокие синие тени. Там, где раньше стояли дома, выросли остроконечные сугробы в форме домов, а на месте бора высятся колонны рождественских елей. Дороги, реки и поля – все занесло снегом.

Впрочем, свои радости были и у зимы, когда жители деревни, натянув снегоступы, выходили из дома. Людо и сам не знал, что любит больше: лежать на солнечном склоне, сонно поглядывая на мирно пасущихся коз, или нестись с горы по искристому снегу – быстро-быстро, как король в своих позолоченных санях, запряженных четверкой серых лошадей.

Но иногда зима бывала жестокой. Представь, что после чудесного солнечного дня ты просыпаясь среди ночи и слышишь вой, словно собака скулит под окном. Только это не собака – она мирно спит, свернувшись рядом на одеяле. Это северный ветер, суровый северный ветер, который принес пургу. В такие дни снежные хлопья заслоняли белый свет, долину заметало, а что страшнее всего, с гор сходили лавины. Они сметали все на своем пути: дома, людей, скотину – и погребали их так глубоко, что лишь месяцы спустя, когда солнце растопит снег, тела находили и хоронили.

Именно в одну из таких ночей и началась история Людо.

Всю неделю шел снег, укутывая деревню и долину мягким покрывалом, но в бедном домишке Шпигелей было тепло и довольно душно – никому в голову не приходило открывать окна в такую погоду. Людо с отцом дни напролет просиживали у печки, занимаясь зимней работой.

Но прежде всего, Амелия, я расскажу тебе, как выглядел их дом. Поверь, такого дома ты не видела и, наверное, никогда не увидишь, хотя в Баварии еще можно встретить ветхие хижины, больше похожие на сараи, а ведь когда-то в них жили бедные люди, такие как Людо.

Двухэтажный домик Шпигелей был срублен из дерева. На первом этаже зимовала домашняя скотина. В одной половине помещения (назовем ее хлевом) располагались стойла, в другой хранилось сено для животных и припасы для людей: картошка, бочонки с квашеной капустой, которую в тех краях называют «сойеркраут», мука и связки сухих колбас. Здесь же герр Шпигель держал инструмент, банки с клеем и лаком, выдержанное дерево. В углу стоял ящик, доверху набитый чем-то похожим на кривые корни и узловатые сучья. Собственно, это и были корни и сучья. У герра Шпигеля отлично выходили не только столы и скамьи, но и всякие резные вещицы. Почти каждый вечер, когда с другой работой было покончено и фрау Шпигель садилась шить у печи, Людо с отцом устраивались рядом и вырезали фигурки гномов, серн и горных козлов. Летом эти фигурки можно было продать и заработать немного денег.

Надо признаться, деревянные фигурки Людо – если их не подправлял отец – были не слишком хороши.

«Ты никогда не станешь резчиком, – наставлял сына герр Шпигель, – если не заговоришь с теми, кого вырезаешь, и они не ответят тебе».

Людо не понимал, о чем толкует отец, потому что, хотя герр Шпигель определенно что-то бурчал себе под нос («Сам с собой толкует», – говорила мать, моргая за стеклами очков), мальчик ни разу не слышал, чтобы деревянные гномы и эльфы проронили в ответ хоть слово. Впрочем, когда герр Шпигель развешивал готовые вещицы по стенам до весны, они смотрелись на удивление живыми и даже немного себе на уме, словно задумали, когда семья уляжется спать, прыгнуть и отправиться по своим делам. И хотя у фигурок Людо было по два глаза и рот, они выглядели деревяшки деревяшками и точно не собирались ничего затевать.

Людо старался изо всех сил, строгал и строгал, мечтая, что когда-нибудь ему доверят сделать что-нибудь действительно полезное, например стол или стулья. Однако с долотом и рубанком он управлялся на редкость неуклюже, и, после того как несколько раз порезался и

испортил пару отличных деревяшек, ему запретили брать в руки инструменты. Лично я считаю, что Людо просто слишком старался и брался за работу, до которой не дорос. Однако герр Шпигель нетерпеливо тряс головой и вслух удивлялся, за что ему в сыновья достался такой недотепа. На что фрау Шпигель, поджав губы и делая аккуратные стежки, замечала, что не все рождаются умельцами и что даже от Людо иногда бывает прок. Бедный Людо только вздыхал и больше всего на свете хотел преуспеть хоть в чем-нибудь, чтобы стать опорой родителям. И тогда придет день, и деревенские скажут: «А сынок-то у Шпигелей вырос умником». Так говорили про Эмиля, сына булочника, про сына кузнеца Ханса и даже про Руди, приятеля Людо, который однажды умудрился заработать серебряную монету, показав королевским загонщикам, куда побежал олень. Но никто и никогда не говорил такого о Людо Шпигеле, который не учился в школе, а если что и умел делать хорошо, то всего лишь носить дрова и воду, кормить скотину, чистить стойла, точить инструменты, заваривать клей, мыть кисти, сортировать гвозди и подметать стружку. И Людо упрямо ковырял твердый сосновый корень (разумеется, лучшие заготовки предназначались для отца) и мечтал, что однажды станет настоящим резчиком и его работы не посрамят королевский дворец.

Пока же больше всего на свете, не считая резьбы, которая была лишь забавой, Людо любил ухаживать за домашней скотиной. Не за глупой коровой, и даже не за козами, которые были умные, но так и норовили злоупотребить его добротой: укусить или сбросить с шеи веревку и убежать, ищи их потом дотемна. Зато старому коню Ренти, которого мальчик знал всю жизнь, Людо был по-настоящему предан. Ренти был старше Людо. Семнадцать лет – солидный возраст для рабочей лошадки. Именно рабочей лошадкой и был Ренти. Чего он только не делал: вспахивал небольшое поле герра Шпигеля, стаскивал с горы бревна, волочил телеги с дровами и готовой мебелью. Четырнадцать лет конь верой и правдой служил хозяину, но в последние три года утратил былую живость. А однажды бревно придавило ему ногу. К счастью, кость не сломалась, но с того дня Ренти охромел. Возможно, летом придется взять другого коня, говорил герр Шпигель. Ни Людо, ни отец с матерью и словом не обмолвились о том, что ждет Ренти, но Людо понимал: двух коней отцу не прокормить. А значит, Ренти уведут и убьют. Каждый день, задав корм корове и козам, Людо приносил Ренти еду и усаживался рядом.

– С тобой-то мы всегда найдем о чем поговорить, – обращался к нему Людо, – и пусть я не слышу твоих ответов, я знаю, ты мне отвечаешь.

Старый Ренти довольно всхрапывал, уткнувшись мордой в сено, и конь с мальчиком прекрасно понимали друг друга.

Глава 2. Пропавший конь

Однажды вечером, когда ветер завывал в горах, а снег заметал долину, Людо сидел дома один-одинешенек, не считая гномов на стене. Отец и мать отправились в деревню, потому что сестра фрау Шпигель заболела и нуждалась в помощи, а герр Шпигель не отпустил жену одну.

– Дорога туда будет нелегкой, а обратно и того хуже, – сказал он, – но пока нас нет, Людо поддержит огонь в печке. А если тебе придется остаться с сестрой, я вернусь домой один до утра. Потому что, помяни мое слово, завтра к этому времени занесет так, что не пройти.

И теперь Людо, который совершенно не боялся темноты и тишины, как боялись бы мы с тобой, в одиночестве сидел у печки и корпел над сосновым корнем, из которого вполне мог выйти приличный гном, если подрезать тут и подправить там.

Но пока ничего не выходило. В печке трещали и шипели дрова, деревянные часы тикали, а глаза игрушек внимательно следили за ним с бревенчатых стен, словно гномы собирались заговорить. Внизу в стойлах беспокойно переступала домашняя скотина, блеяла коза, а когда налетал порыв ветра, ставни начинали дребезжать.

Некому было отправлять Людо в постель, вот он и засиделся у огня. От печки шло тепло, дров Людо принес немало и не собирался экономить на свече. Так он и сидел, вырезая нос и глаза гному, пока товарищи гнома наблюдали за ним со стены. Наконец дверца на часах распахнулась, и кукушка прокуковала двенадцать раз.

«А ведь и впрямь пора в кровать», – подумал Людо. А поскольку он спал в той же комнате, только с другой стороны от печи, ему не надо было, как нам с тобой, тащиться по лестнице в промозглую спальню. Людо как раз отложил инструменты и недоделанного гнома, когда услышал сильный стук, словно хлопнула дверь или на пол свалилось что-то тяжелое. Некоторое время он прислушивался. Ничего, только привычные ночные звуки да вой ветра. Внезапно

Людо показалось, что в комнате стало прохладнее, как будто кто-то распахнул дверь. Но дверь, как и ставни, была заперта.

Наверное, дуло снизу, из-под половиц. Должно быть, распахнулось окно в хлеву и в него тянуло морозным воздухом.

Мальчик взял подсвечник и, прикрывая пламя ладонью, открыл люк в углу комнаты и спустился в хлев.

Внизу стоял лютый холод. В углу за копной соломы сбились в кучу замерзшие козы. Глупая корова с укором взираала на него из-под длинных ресниц. А Ренти...

Людо так и застыл на нижней ступеньке. Там, где раньше стоял старый конь, болтался привязанный к кормушке обрывок веревки, а Ренти не было. Задняя дверь стояла нараспашку, упираясь в сугроб. Ренти сбежал.

Конечно, Людо тут же бросился к двери, навстречу обжигающему ветру, только ничегошеньки он не увидел, потому что свечу сразу задуло, да и смотреть было не на что, одни сугробы да борозда в снегу, где прошел конь. Снег успел основательно ее засыпать, и мальчик, пробежав несколько шагов, ее потерял. И как бы Людо ни напрягал зоркие юные глаза, он не мог разглядеть силуэт беглеца.

Нельзя сказать, что вокруг стояла крошечная тьма, какая бывает в Шотландии ноябрьской ночью, потому что снежное покрывало отражало свет звезд. И каких звезд! Яркие звезды сияли на чистейшем небосводе, снежные пики отливали серебром, и любой местный житель вроде Людо, привыкший к зимней темноте, мог видеть в ней вполне отчетливо. Пока он стоял и всматривался в ночь, ветер стих так же внезапно, как задул, последние снежинки покружили в воздухе и легли на сугробы. Стало тихо и очень холодно.

И хотя Людо не умел управляться с отцовскими инструментами и был не таким смелым, как Ганс, Руди и другие его приятели из деревни, в здравом смысле ему было не отказать. Мальчик понимал, что если не загнать коня в теплое стойло, тот погибнет от холода. Он также понимал, что если пустится на поиски Ренти, то сам рано или поздно угодит в сугроб, не сможет оттуда выбраться и разделит участь коня.

Однако ничто не мешало ему взять фонарь и влезть на холм позади дома, где был лучший обзор. Оттуда он точно разглядит Ренти в темноте и спокойно приведет домой. Или Ренти, увидев свет фонаря, одумается и повернет назад, в теплое стойло. Однако, если этого не случится, надо будет идти в дом и ждать отца. Нельзя рисковать жизнью ради коня. Хлопнув дверью, Людо влетел в дом и бросился наверх за теплой курткой, шарфом и шерстяной шапкой с ушами. У него были толстые башмаки – самые лучшие из тех, что мог позволить себе его отец. У баварцев не принято экономить на зимней одежде. Затем Людо подхватил снегоступы и палки и спустился в хлев, где козы уже довольно хрумкали сеном, а корова равнодушно взираала на то, как он суетится.

– Что смотрите? Вам и дела нет! – прикрикнул на них Людо и сдернул фонарь с крюка. Затем натянул снегоступы, вышел из хлева и закрыл за собой дверь.

Людо видел дорогу к верхнему пастбищу только потому, что она шла между двумя рядами елей, которые высились по бокам снежными стенами. Снег был глубоким и мягким, и даже в снегоступах Людо проваливался при каждом шаге. Если тебе доводилось идти по глубокому снегу, ты знаешь, как это трудно, а такого глубокого снега я у нас в Шотландии отродясь не видела. Людо и рад был поспешить, да не выходило, так что он брел медленно, утопая в снегу. Вряд ли мальчик смог бы уйти далеко, даже если бы захотел. Он всего-то и добрался что до пригорка над домом, а пот уже тек с него градом, и грудь вздымалась, словно кузнечные мехи. Людо напряженно всматривался в разные стороны.

Ренти нигде не было видно. Не было видно и отца, идущего из дома дяди Францеля в Оберфельде.

Людо стоял и размышлял, как быть. Он часто делал глупости, и тогда люди говорили: «Что вы хотите от Людо? Он не самый смелый мальчик в округе». А могут сказать что и похуже. Еще обвинят его в побеге Ренти! Людо следил за веревками и сбруей, и если Ренти погибнет, то виноват будет он, Людо. Что ж, если идти вслед за Ренти нельзя, по крайней мере, можно спуститься в деревню и сообщить обо всем отцу. Скажет ли отец: «Ты очень правильно поступил, Людо», или все будут качать головой и ворчать: «Принесла нелегкая этого Людо, путается под ногами, мешает отцу, когда его тетя Анна так больна»?

Людо стоял и размышлял о собственной глупости и о том, какая холодная выдалась ночь. А еще о Ренти с его хромой ногой и о том, что едва ли конь доживет до утра. Размышлял и плакал, и слезинки на его щеках превращались в сосульки.

Глава 3. Падучая звезда

Может быть, из-за слез, которые застилали глаза и капали на теплый шарф, и носа, который Людо приходилось утирать влажной варежкой (а всякий знает, как это неприятно), а еще чувства беспомощности, когда понимаешь, что виноват и ничего нельзя исправить, но Людо не сразу заметил, когда случилось нечто удивительное. Он стоял и оплакивал старину Ренти, один посреди морозной зимней ночи, радуясь, что никто не видит его слез и не станет дразнить неженкой – или нюней, как сказали бы в мои времена, – за то, что он плачет над старым конем. Ему еще предстояло понять, что глупо стыдиться слез, особенно если ты провинился перед несчастным животным, которое не может за себя постоять.

Людо стоял и плакал, а вокруг простиралась долина, укутанная толстым снежным покрывалом, над долиной вставал лес, а над лесом сквозь метель, которая по-прежнему бушевала наверху, сверкали горные пики, а еще выше на черном-пречерном небе сияли звезды, заливая снега тусклым серебристым светом. И вдали, под высоким обрывом, который местные жители называли Егерсальпом, медленно двигалось темное пятнышко.

Чудо, что Людо вообще его заметил. Он вытер глаза тыльной стороной мокрой варежки и уже хотел повернуть к дому, когда черное пятнышко на белом фоне привлекло его взгляд. Мы с тобой заметили бы только движущуюся точку, но Людо, привычный к горным просторам и зоркий, как птица – а как ты знаешь, птицы самые зоркие создания на свете, – сразу понял, что это Ренти. Он разглядел, что пятнышко напоминает коня и движется подобно коню, который по грудь в снегу преодолевает снежную равнину.

Ты удивишься, но слезы на лице мальчика мгновенно высохли, а в горле перестало першить. Приложив ладони ко рту, Людо издал долгий йодль, который, словно звук охотничьего рожка, разносится далеко над горами. Так он обычно звал коров на летнем пастбище. Звук долетел до Егерсальпа и эхом вернулся к Людо.

И Ренти услышал его. Конь остановился. На таком расстоянии даже Людо не смог бы этого разглядеть, но он был уверен, что конь поднял голову и оглянулся. Затем снова уронил голову на грудь и всем весом навалился на снег, пробивая дорогу к Егерсальпу.

И тут случились сразу два события.

Прежде всего, Егерсальп исчез. Крутой склон над обрывом закурился дымком, но, конечно, это был не костер. Людо знал, что это лавина – ужасный поток, несущий вниз тысячи тонн снега и камней, сметающий все на своем пути. Где-то высоко над обрывом снежная масса под собственной тяжестью пришла в движение и, ускоряясь с каждым мгновением, понеслась со склона в облаке снега. Прямо над тем местом, где стоял Ренти! Она уже достигла края обрыва, и теперь с приглушенным грохотом тысячи тонн снега катились вниз, погребая под собой все живое.

Людо оставалось только стоять и смотреть. А когда лавина остановилась и снежный дымок рассеялся, перед ним от подножия Егерсальпа до края долины лежало гладкое поле. Там, где стоял Ренти, ничего не осталось.

У Людо было такое чувство, будто он сам завален снегом и превратился в лед. Он не мог двинуться с места. Так и стоял, как каменный, глядя туда, где только что был Ренти. И тут случилось еще кое-то.

С неба упала звезда.

Звезда, сиявшая в вышине так, будто Господь закрепил ее там на веки вечные, неожиданно сорвалась и медленно, словно искра от огня в темной комнате, прочертила на небе длинную яркую дугу, и все прочие звезды, оставшиеся на своих местах, как будто померкли. Позади звезды, словно хвост воздушного змея, тянулась сверкающая полоса звездной пыли. Медленно, затем постепенно ускоряясь, звезда прокатилась по небосводу, пока, словно огненная стрела, не вонзилась в снежное поле под Егерсальпом. Людо готов был поклясться, что стрела угодила туда, где стоял Ренти!

Затем свет звезды погас, и Людо остался один-одинешенек на снежном склоне.

Глава 4. Егерсальп

Не знаю, звезда ли в том виновата, только после ее падения Людо совсем потерял голову. Понятия не имею, о чем он думал, — скорее всего, не думал вообще, но внезапное и неземное зрелище падающей с неба звезды отняло у него всякие остатки здравого смысла. Не отдавая себе отчета, что делает, он вонзил палки в снег и заспешил к тому месту, где упала звезда.

Людо знал, куда идти. Если тебе случится увидеть падучую звезду, ты будешь знать точно, куда она упала. А если звезда упадет достаточно близко (что бывает редко), испытаешь непреодолимое желание броситься к тому месту, чтобы обнаружить ее холодный остывший шар или огромную дыру в земле.

Вряд ли Людо вправду рассчитывал найти то или другое, он просто знал, что звезда упала, чтобы указать ему это место, и надо отправиться туда. Поэтому он скользил по снегу, а огоньки деревни уменьшались у него за спиной, пока совсем не пропали из виду, осталась только хрустящая тишина ночи да шорох его снегоступов.

Над мальчиком, закрывая свет звезд, высился Егерсальп. Впервые в душу Людо закралось сомнение, не совершает ли он глупость? И тут же прямо перед ним посреди снежной пустыни разверзлась трещина, и, не успев затормозить, он с разбегу рухнул на дно.

Людо не знал, как долго летел, но ему показалось, что времени прошло немало. Впрочем, упал он на мягкий снег и ничуть не ушибся. Несколько секунд мальчик лежал, пытаясь отдышаться, затем сел и неуклюжими окоченевшими пальцами отцепил снегоступы. Вокруг было темно — хоть глаз коли. Посмотрев вверх, Людо разглядел границу между темными стенами пропасти и темными небом наверху, но скала не давала проникнуть в яму звездному свету.

Здесь было очень темно, холодно и одиноко, и у Людо хватало времени осознать, как глупо он себя вел. В падении звезд нет никакого чуда, никакого послания, ничего такого, ради чего стоило бы со всех ног бежать туда, где упала звезда. Вспомнил он и то, что говорили деревенские: падучая звезда пророчит смерть, а значит, звезда напроорочила смерть бедняге Ренти, погребенному под лавиной. И если Людо не сумеет выжить в таком холоде до того, как

отец вернется домой, увидит на снегу следы снегоступов и бросится ему на помощь, упадет еще одна звезда. Для Людо. Потому что из трещины было не выбраться. Если попытаться лезть вверх, снег заскользит по склону и завалит его следы, так что отец не будет знать, откуда начинать поиски.

Людо сидел, сжимая бесполезные снегоступы и дрожа от страха. Мороз крепчал, покрывая мальчика ледяной коркой, и скоро от холода у него заныли даже глазные яблоки, а тело утратило чувствительность. Людо закрыл глаза и лег на мягкую снеговую подушку...

Внезапно сугроб рядом с ним зашевелился. Людо открыл глаза и подскочил на месте, а сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Сугроб задрожал, вздыбился и опал, словно то, что было внутри, встало на ноги. Людо ничего не видел, слышал только, как кто-то фыркал, тряс гривой и шелестел хвостом. Это был Ренти, погребенный, как и он, на дне снежной пропасти, но живой!

– Ах, Ренти! – воскликнул Людо и бросился на шею коню, совершенно забыв, что в трещине нельзя кричать и делать резких движений, чтобы не вызвать новый снежный обвал.

Именно это и произошло. Стены расщелины беззвучно, словно холодный мягкий туман, поползли вниз, засыпая снегом мальчика и коня.

Вернее, засыпали они то место, где мгновение назад были мальчик и конь. Не успели первые снежинки подняться в воздух, как Ренти (вместе с Людо, который, как ты помнишь, обнимал коня за шею, зарывшись лицом в его гриву) рысью затрусил в темноту. Трещину у них за спиной завалило. Впереди, по-прежнему темный, но озаренный чуть заметным сиянием, словно сверху просачивался свет звезд, лежал туннель. Ренти рысью устремился туда, будто знал дорогу, и Людо, держась за его гриву, побежал рядом. Туннель уходил в снежную массу метров на двадцать прямо, как стрела, и пока конь и мальчик бежали, снег завалил дорогу назад. Если они доберутся до конца туннеля, подумал Людо, то окажутся в тупике. Но времени, чтобы испугаться, не было, и, кроме того, Ренти вроде бы не выглядел испуганным. Внезапно конь заржал, и от этого звука туннель позади обрушился, но впереди, мерца в отраженном от снега свете звезд, вздымался Егерсальп, а в скальном обрыве, озаренная изнутри настоящим теплым светом факелов, свечей и пляшущего огня, виднелась открытая дверь.

Глава 5. Пещера

Дверь вела в пещеру, но такой пещеры Людо в жизни не видел. Сперва его поразили размеры: каменные своды терялись во мгле, а во все стороны во тьму уходили галереи. Потом он почувствовал, как здесь тепло и светло. Ледяная корка вмиг растаяла, пальцы обрели подвижность, щеки покраснелись, а когда Людо посмотрел на Ренти, то увидел, что гнедые бока коня почти высохли, а грива и хвост распушились. (Ренти был из породы гафлингеров, крепких красивых гнедых лошадок с серебристыми гривами и хвостами. Некоторые верят, что именно гафлингеров впрягают в колесницу Солнца, и в погожий денек в такое недолго поверить. Людо, во всяком случае, верил.)

Пещера была заполнена людьми, точнее, юношами примерно одних лет с Людо: кто-то моложе, кто-то старше, лет шестнадцати. На юношах была странная короткая одежда из кожи и шерсти неярких цветов, и, хотя лишь один или двое были обуты, бедняками они не выглядели, по крайней мере, держались не как бедняки. Сказать по правде, старшие смотрели дерзко и заносчиво, и, когда Людо застенчиво остановился посредине пещеры рядом с Ренти, трое встали и подошли к нему.

– Ты новенький, – укоризненно промолвил самый высокий.

Людо не сообразил, что на это ответить, поэтому от греха подальше просто коснулся лба рукой, как его научили делать при встрече с богатыми и знатью, и промолчал.

Вероятно, он выбрал верную тактику, потому что юнец, смягчившись, отрывисто бросил:

– Откуда ты? Этот вход должен быть закрыт.

– Другого я не видел, – озадаченно ответил Людо. – Где мы? Я не знал, что здесь есть пещера.

– Да и откуда тебе знать. – Юнец гордо вскинул голову, отчего Людо почувствовал себя еще ничтожнее, чем обычно. – Мы не показываем дорогу каждому встречному. Но ты здесь, а значит, имеешь право, придется с этим смириться. Назови свое царство.

– Бавария, – удивленно ответил Людо.

– Никогда о таком не слыхал. Какая-нибудь третьесортная окраина, голые скалы да козы. Один из мальчиков у костра обратился к собеседнику Людо:

– Хватит его дразнить. Раз Стрелец призвал его, значит он чего-то стоит, хоть по виду и не скажешь. Ничего, скоро освоится.

Людо совсем не нравился этот разговор, но, по крайней мере, новый голос звучал добрее.

– Я сожалею, – промолвил он робко, – что пришел не оттуда, откуда следовало, господин...

– Не называй меня «господин», – перебил его второй мальчик. – Меня зовут Язон, а это обращение побереги для Стрельца. И выведи отсюда своего коня.

– Если эту старую клячу можно назвать конем, – послышался голос из темноты, и юноши у костра захихикали. – Для чего отец дал тебе такое сокровище? Что, на него даже собаки не позарились?

Людо, который любил Ренти и часто повторял, что старый конь понимает его с полуслова, знал, что на самом деле животные не слушают людских разговоров. Прежде всего, потому, что не находят в них ничего увлекательного. Но насмешник бил по больному – Ренти и впрямь в последнее время досталось, и это на нем сказывалось. Конь стоял рядом, поникнув головой и опустив уши, и Людо забыл, что он крестьянский сын, а эти задиры наверняка сынки богатых и знатных родителей, которые охотятся в горах, поэтому вспыхнул до корней волос и выпалил:

– Он замечательный конь, и всем известно, что нет на свете коней лучше баварских гафлингеров! А будь вы такими же старыми, как он, да завали вас семиметровым слоем снега, посмотрел бы я на вас!

Тот, кто назвался Язоном, удивленно посмотрел на Людо сверху вниз и нахмурил брови:

– Снега? Тебе прекрасно известно, что этой зимой снега тут еще не было. Что ты плетешь?

Его товарищи зашумели:

– Да, зачем он врет? Откуда он взялся?

Юноши вскочили и окружили Людо. Вид у них был самый недобрый. Людо заметил, что некоторые вооружены: у одних на поясе висели кинжалы, другие сжимали в руках луки.

– Успокойтесь, дайте ему ответить, – неожиданно произнес дружелюбный голос.

Голос принадлежал юноше лет четырнадцати, широкоплечему, с загорелым лицом. На говорившем было только что-то вроде юбки из золотистого, в черных пятнах меха с позолоченным поясом, на котором висел длинный кинжал. Когда юноша выступил вперед, остальные, даже те, кто выглядел старше, безропотно отступили назад.

Широко расставив ноги и заложив большие пальцы за пояс, юноша стоял перед Людо.

– Начнем сначала. Обычно он рассказывает нам о чужестранцах, которые сюда приходят, но о тебе промолчал. Ты говоришь, что родом из Баварии. Никто из нас не слыхал о такой стране, но это ничего не значит: в этих горах хватает мелких царств. Нет, постой, дай мне договорить. А теперь ты упомянул о снеге, хотя мы знаем, что снега в этом году еще не было. Но я думаю, ты сказал правду – когда ты вошел, я заметил снег на боках твоего коня.

Он замолчал. Костер трещал, как будто рвали бумагу.

– Это правда, я сам видел, – раздался громкий голос.

– Тише, пусть говорит Пелей, – отозвался другой юноша.

– Итак, – промолвил тот, кого называли Пелеем, – где твое царство и как ты сюда проник?

– Поверьте мне, господин, – начал Людо, которого с детства учили прислушиваться к тем, кто говорит рассудительно, пусть даже они немногим старше его, – моя страна там, за

Егерсальпом, и она тянется дальше, чем мне случалось заходить, а сюда я вошел через эту дверь. – Он показал туда, где недавно был снежный туннель.

Но туннеля больше не было. Позади, освещенная светом костра, высилась сплошная каменная стена. И никаких признаков двери.

– Но тут была дверь! – вскричал Людо. – На Ренти обрушилась лавина, и я побежал за ним и тоже провалился, а потом мы нашли туннель под снегом и открытую дверь, и...

Людо запнулся. Лицо Пелея окаменело, а Язон медленно потянулся за луком, который прислонил к стене пещеры. Остальные сгрудились вокруг Людо и смотрели угрожающе.

– Лазутчик, вон он кто! Кто из вас слышал о стране с таким варварским названием?

– Да еще такой, которая тянется на мили! Мы все знаем, что на семь дней пути отсюда нет даже долины с таким именем.

– Возможно, он пришел издалека. Вон и конь его охромел.

– Не думаешь ли ты, что он нам ровня? Он не похож на царского сына. И он не мог пройти в эту дверь!

– Но если Стрелец призвал его...

– Посмотри на его лицо, – сказал Язон. – Он никогда не слышал о Стрельце. Он чужак, лазутчик, и, по-моему, мы должны разделаться с ним, не дожидаясь Стрельца!

Людо сделал шаг назад, потом еще один. Юноши стояли перед ним плотной стеной, на лицах играли недобрые ухмылки, сверкали кинжалы. Он попятился еще чуть-чуть, потом сообразил, что отступить некуда, и остановился.

– Послушайте, я никогда не говорил, что я царский сын! – проговорил Людо с отчаянием, обращаясь к Пелею, который, очевидно, был здешним предводителем. – Я не лазутчик! И я не вру! Я пошел за своим конем, и мы бы сгинули в снегу, если бы вход в пещеру не оказался открыт. Я не знаю, кто вы, кто такой Стрелец и где я нахожусь! Я только хочу выбраться отсюда и вернуться домой!

Слова его произвели самое поразительное действие. Когда Людо закончил, в пещере повисла гробовая тишина. Внезапно Людо понял, что никто больше на него не смотрит. Все глаза были устремлены туда, где некто выступил на свет костра из глубокой тени в дальнем углу пещеры.

Глава 6. Стрелец

Некто или нечто, подумалось Людо, когда неизвестный вступил в круг света. Сначала он увидел невероятно высокого бородатого мужчину с широченными плечами, выпирающими мышцами и пронзительными темными глазами. Мужчина держал в руках громадный двояковыгнутый лук, натянуть который было под силу только такому великану. Пламя костра играло на золотых наконечниках, которыми заканчивался лук, и на мощной груди незнакомца. До пояса тот был обнажен, если не считать ремня, на котором висел колчан со стрелами. Ниже пояса великан был облачен в шкуру, хотя в этом Людо не был уверен – обзор заслоняли юноши. Но тут юноши расступились...

Бородатый мужчина казался таким высоким, потому что там, где у человека начинались бы ноги, были грудь и передние ноги лошади. По правде сказать, лошадиного в нем было больше, чем человеческого, но на месте лошадиной шеи и головы начинался человеческий торс – на той же высоте, что у всадника на коне. Ты, конечно, знаешь, что это был кентавр, но Людо, книжек не читавший, никогда о кентаврах не слышал. Он понимал лишь, что перед ним существо спокойное, сильное и очень опасное, наделенное всей мощью и всеми противоречиями своей двойной натуры.

– Кто это? – спросил кентавр. Его голос мало походил на человеческий, слишком низкий и высокий одновременно, словно лошадиное ржание. Тем не менее слова звучали отчетливо.

Людо от изумления и страха не мог выговорить ни слова, так что только коснулся ладонью лба. Ответил кентавру Пелей:

– Мы расспросили его, Стрелец. Он утверждает, что в стене за его спиной открылась дверь, а сам он из неведомой варварской земли, именуемой Баварией. Говорит, что там зима, что его коня засыпало снегом, а он провалился в сугроб вслед за конем и нашел под снегом вход в этот Дом.

Стрелец нависал над Людо и Ренти, буравя их огромными нечеловеческими глазами. Хвост хлестал по бокам – красно-бурым, цвета горного щавеля.

– Это правда, мальчик? – пробасил кентавр.

Поначалу Людо только кивнул, затем сглотнул и выдавил:

– Да, господин.

– Так ты попал сюда случайно? И твой венценосный отец не посылал тебя ко мне в ученики?

– Мой отец не король, ваше благородие. Король живет в замке в соседней долине. Я его видел, ваша честь, но он бы меня и не заметил. А мой отец, плотник Фриц Шпигель, живет в домике на полпути к летнему пастбищу.

– Тогда как ты сюда проник? И благодаря каким чарам нашел дорогу в мой Дом?

– Милостивый государь, ваша честь, Ренти, мой конь, сорвался с привязи, когда дверь хлева распахнулась от ветра, и убежал, а ветер дул северный, опасный ветер в наших краях... – В голове у Людо все так перемешалось, что он и впрямь решил, будто проделал многомильный путь от дома, а не просто вошел в пещеру через снежный туннель под Егурсальпом, и кто скажет, что он был неправ?

– Я понимал, ваша милость, что Ренти сгинет в снегу, и взобрался на холм, и звал его, и Ренти меня слышал, но не повернул назад. Думаю, от холода в голове у него помутилось. Я знал, я надеялся, что если пойду за ним, то спасу его и приведу домой. Это ведь я его привязывал, я слежу за конской сбруей. И если бы он погиб, это была бы моя вина. И потом, ваше превосходительство, мы с Ренти... а я знаю его всю жизнь... и я должен был попытаться спасти его...

На самом деле Людо говорил совсем не так связно, как я тебе излагаю, а сбивчиво и с остановками, а когда дошел до слов, что Ренти сгинет в снегу, то обнял коня за шею не столько от полноты чувств, сколько для того, чтобы устоять на ногах – колени у Людо подгибались. Юноши все так же молча стояли вокруг, держа наготове кинжалы и луки, а громадный кентавр взирал на них с высоты своего роста, и догадаться, что у него на уме, было еще сложнее, чем понять, о чем думает конь.

– А затем сошла лавина, – продолжил Людо, – и завалила Ренти, и я... я понял, что придется возвращаться домой, но тут упала звезда...

Людо замолчал. Стрелец, словно норовистый конь, вскинул голову. Он стоял на месте, но мышцы под красно-коричневой шкурой на боках мерцали и перекачивались в свете костра.

– Звезда?

– Да, господин, звезда, – отвечал Людо, прижавшись к конской шее. – Большая звезда прямо с неба упала у подножия Егурсальпа, и я пошел за звездой, и Ренти был под снегом, и он рванулся вперед, а там была дверь – правда-правда, была! – только потом она исчезла, и... и...

Бедный Людо запнулся. Все молчали. Молчание тянулось и тянулось, пока Стрелец не прервал его.

– Хрм, – промолвил он.

Поначалу Людо решил, что тот просто откашлялся, прежде чем заговорить, и с тревогой поднял глаза, но тут Ренти вскинул голову и заржал, и мальчик понял, что кентавр обратился к нему на лошадином языке.

Некоторое время они беседовали. Людо и, вероятно, остальные юноши не понимали ни слова, кроме Пелея, который переводил глаза с одного собеседника на другого, и его лицо то темнело, то светлело. Под конец разговора юноша взглянул на Людо с жалостью. Однако это был добрый взгляд, без тени презрения.

Разговор завершился. Напоследок Стрелец всхрапнул совсем по-лошадиному и обратился к Людо:

– Конь рассказал мне, почему решил уйти. Это не твоя вина, твой отец не опустил щеколду, и, увидев, что дверь не заперта, конь сам перегрыз веревку.

Людо открыл было рот, чтобы спросить зачем, но сразу закрыл его. Кажется, он знал, в чем дело. Ренти понимал, что больше не может работать, и решил, что лучше сгинуть в снегу, чем дожидаться смерти. Людо со стыдом опустил голову.

– Да, ты угадал, – мягко промолвил Стрелец. – Впрочем, тебе нечего стыдиться. Таков порядок вещей. Но твой конь из породы звездных коней, и он горд. Он решил уйти раньше срока и вернуться к своему племени. Конь знал, как найти мой Дом, самый ближний путь в звездную страну, куда лежал его путь. И если тебя вслед за ним привела падучая звезда, придется считать это чудом и принять тебя вместе с конем.

Юноши удивленно переглядывались и, кажется, даже немного присмирели от услышанного. Людо, решив, что все ждут от него ответа, промолвил:

– Спасибо, ваша честь.

С высоты своего роста Стрелец сурово посмотрел на мальчика:

– Итак, ты здесь, и выбор за тобой. Пойдешь ли ты с ним? Путь неблизок и труден. Тебе предстоит последовать за величайшей звездой, которую вы зовете Солнцем и чья колесница держит путь через Дома звездной страны. Но ты еще можешь пройти домой сквозь снег. Ты пришел по собственной воле, тобой двигали любовь и чувство долга, поэтому я позволю тебе вернуться этой дорогой, если пожелаешь. Итак, что ты выберешь?

Людо затаил дыхание. Сейчас больше всего на свете ему хотелось снова влезть в снежный туннель и, если получится, вылезти наружу и поскорее добраться до дома. Стрелец безучастно ждал его решения. Юноши не сводили с него глаз. Ренти стоял с поникшей головой, перенеся вес с большой передней ноги на здоровую.

Людо поднял глаза:

– А Ренти со мной не вернется?

– Нет, его выбор сделан, но ты еще можешь выбирать. Этот конь верой и правдой служил тебе всю жизнь, готов ли ты послужить ему верой и правдой? Если готов, я позволю тебе пройти через мой Дом. О том, что ждет тебя за его границами, я не знаю, да меня это и не заботит.

Кентавр замолчал. В толпе юношей раздался недовольный ропот, но Стрелец не обратил на шум никакого внимания.

– Итак, мальчик?

– Я, наверное, я... я лучше пойду с ним, – запинаясь, ответил Людо. – Не ровен час, заблудится или кто-нибудь решит его обидеть... Понимаете, коням нужен присмотр. Они немного глуповаты, часто пугаются и способны сами себе навредить...

Людо запнулся. В толпе юношей прокатились смешки. Кентавр не улыбнулся – кентавры никогда не улыбаются, только переступил копытами да хлестнул себя хвостом по бокам.

Людо прижал ладонь к губам:

– Ой, простите, я не хочу сказать...

– Я знаю, чего ты хочешь, – сказал Стрелец. – Ты хочешь сохранить верность своему другу. Хорошо, ступай с ним. Ты проведешь его вслед за солнечной колесницей, через добрые и недобрые земли, и вы оба завершите свой путь в Доме Скорпиона. Сегодня Солнце покидает мой Дом. Если ты догонишь его до того, как оно воротится назад, твое заветное желание исполнится – а нет, так не исполнится, и кто знает, что принесет тебе больше счастья?

– Я не понимаю, – сказал бедный Людо.

– Твое дело не понимать, а идти вперед и не сдаваться, встречая радости и опасности с открытым сердцем, а на большее не рассчитывай. Ступай с миром. Ты невредимым прошел через Дом Стрельца, что немало для простого человека.

Стрелец посторонился и через костер указал на стену, которая терялась во тьме пещеры. Высоко на стене сверкал золотом огромный знак в виде стрелы: ✎.

Под стрелой туннель выводил вон из пещеры. Людо, который был слишком растерян, чтобы понять велеречивые слова кентавра, замялся – в голове теснились сотни вопросов, которые ему хотелось задать! – но Ренти уже захромал к выходу, а проходя мимо кентавра, склонил голову. Поэтому Людо лишь застенчиво поблагодарил хозяина Дома и последовал за конем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.